

совпадение почти во всем: окончания прилагательных м. р. в им. пад. ед. ч. на *-ой*, род. п. ед. ч. прил. м. и ср. рода на *-ово*, *-ого*; колебания в написании (в одном и том же тексте) в именах собственных *о* и *а* (Олешка и Алешка, Ортем и Артем, Ондрей и Андрей и т. п.); *е* вместо *и* в заударном положении: Василей, Дмитрий, Владимир; написание сочетаний — *чю*, *-жо*, при — *ча-*, *жа-ша-*; вставное *т* перед *ч* и *ц*: поберетчи, стеретчи, протчих, неметцких, трубетцкому и т. д.; взаимная мена *ѣ* и *е*, обусловленная совпадением их в одном звуке *е*; *infinitiv* глаголов на *ти*; формы местоимений „*тобя*“, „*собя*“, наряду с „*тебя*“, „*себя*“; наречия „*толды*“, „*колды*“, „*тогды*, *когды*“¹ и т. д. В отдельности все эти особенности могут встречаться в памятниках различного происхождения, но в данном случае важно то, что они в совокупности характеризуют текст „Сказания“.

Весь приведенный материал дает основание для предположения, что „Сказание“ было записано в Псковской земле (не ставим здесь вопроса о происхождении и создании произведения, так как это вопрос сюжета, а не языка) в той форме, в какой оно жило здесь в устной традиции. Нельзя согласиться с Барсовым, что былинку записал кто-нибудь из турчасовцев, потому что в этом случае неизбежно было бы проявление других диалектных особенностей, определивших характер письменных памятников нашего Севера. Их нет в „Сказании“, за исключением нескольких единичных случаев, которые могут быть объяснены тем, что копия „Сказания“ сделал турчасовец. Так, о встрече семи киевских богатырей с каликами говорится: „ажно и ма на встрѣчю иду 12 человек“ стр. 9; дат. пад. мн. числа „*има*“ и сейчас живая норма говоров в Каргопольском, Пудожском и Андомском районах.¹ Слово „*вото*“: „*вото* вам платье свѣтлое, Дайте намь свое платье калицкое“ стр. 11, встречающееся очень редко в древней письменности (Срезневский дает две цитаты), но хорошо известное по северным говорам б. Новгородской и Вологодской губ.² Слово „*срядя*“ в значении „*полное одяние*“, „*полное вооружение*“: „оставливают свои добрыя коня на смугре рекѣ и все свои сряды богатырския“ (стр. 14) в настоящее время характерно для северных говоров.³ Интересно и слово „*гаркнуть*“, которое встречается в „Сказании“ в отрицательном параллелизме: „не птички соловьи рано в дуброве просвистали, свиснули, *гаркнули* богатыри богатырским голосом“, стр. 28 и 32. В „Толковом словаре“ Д. Н. Ушакова „*гаркать*“ и „*гаркнуть*“ даны с пометой „простореч.“ В „Материалах“ Срезневского этих слов совсем нет, а в картотеке Древнерусского словаря АН СССР имеется всего две цитаты: одна из рукописи № X. 3. Гос. Публ. Библ. им. Салтыкова-Щедрина — из „Книги охотничей регул“ (перевод с немецкого яз. второй половины XVII в.), а другая из актов Холмогорской и Устюжской епархии, в документе 1632 г.: „Приходили, государь, въ деревнишко мое в Семенову пересѣку жетчи дворишко мое тотъ Тить съ товарищи и я Михаила з дѣтишками своими послышали и вышли, государь, на улицу и почали *гаркать*“.⁴ В данном случае мы встречаемся с тем, что в фольклорном памятнике впервые зарегистрировано слово, хорошо известное в современном живом языке. В „Сказании“ 4 раза повторяется

¹ См. материалы экспедиции ИЯМ АН ССР, 1937—1939 гг. (например, 1939 г. дер. Юозеро: „роспределяют има корму скоко надо“ и т. д.).

² См. Псковские летописи (Полное собрание русских летописей, т. IV) и Псковские документы в „Актах, относящихся к истории Западной России“ в „Трудах Псковского археологического общества“ и т. д.

³ См., например, у Даля, в „Дополнениях к опыту областного словаря“, СПб., 1858; в Материалах экспедиций ИЯМ АН 1938 и 1939 гг.

⁴ Русская ист. библ., т. 25, стр. 126—127.